

Джордж Р.Р. Мартин

Джордж Р.Р. Мартин

Пир СТЕРВЯТНИКОВ

Цикл «Песнь льда и огня»

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-313.2
ББК 84(7Coe)-44
М29

George R. R. Martin
A FEAST FOR CROWS

Перевод с английского Н.И. Виленской

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн А.И. Смирнова

В оформлении обложки использована работа,
предоставленная фотоагентством «Vostok Photo AG».

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Мартин, Джордж Р. Р.

М29 Пир стервятников : из цикла «Песнь льда и огня» :
[фантастический роман] / Джордж Р. Р. Мартин ; [пер.
с англ. Н.И. Виленской]. — Москва : Издательство АСТ,
2016. — 768 с.

ISBN 978-5-17-098480-0

Перед вами — четвертая летопись цикла «Песнь льда и огня». Эпическая, чеканная сага о мире Семи Королевств. О мире суровых земель вечного холода и радостных земель вечного лета. Мире лордов и героев, воинов и магов, чернокнижников и убийц — всех, кого свела воедино Судьба во исполнение древнего пророчества. О мире опасных приключений, великих деяний и тончайших политических интриг.

Война Пяти Королей наконец завершена, и дом Ланнистер с союзниками празднует победу. Однако до мира и спокойствия еще **ОЧЕНЬ ДАЛЕКО!** Властитель Севера Робб от дома Старк сумел подавить мятеж в далеких северных землях, однако его родичи, похоже, слишком слабы, чтобы удержать завоеванные земли... Снова собираются воедино бандиты, ренегаты и уцелевшие повстанцы. Снова угрожает смертельная опасность Железному Трону Семи Королевств — и стервятники уже чуют приближение **НОВОГО ПИРА...**

УДК 821.111(73)-313.2
ББК 84(7Coe)-44

© George R.R. Martin, 2005

© Перевод. Н.И. Виленская, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-098480-0

ПРОЛОГ

Драконы... — Моландер подобрал с земли сморщенное яблоко и перекидывал его с руки на руку.

— Подбрось его, — попросил Аллерас-Сфинкс, достав стрелу из колчана.

— Хотел бы я увидеть дракона, — сказал Рун, самый младший в компании — до взрослого возраста ему недоставало двух лет. — Очень хотел бы.

А я хотел бы уснуть в объятиях Розы, подумал Пейт, беспокойно ерзая на скамье. К утру девушка вполне могла бы достаться ему. Он увез бы ее из Староместа за Узкое море, в Вольные Города. Там мастеров нет, и никто бы его ни в чем не стал обвинять.

Наверху, за ставнями, смеялась Эмма и слышался голос ее клиента. Из прислужниц «Пера и кружки» она самая старшая, ей уже все сорок стукнуло как пить дать, но она еще хороша, если кому нравятся женщины в теле. Розы, ее дочке, пятнадцать, и она только что расцвела. Эмма оценила ее невинность в один золотой дракон. Пейт скопил девять серебряных оленей и целый горшок медаков, но раньше настоящий дракон вылупится, чем у него наберется золотой.

— Поздновато ты родился для драконов, малыш, — сказал кандидат Армин. На шее у Армина кожаный шнурок со звеньями его будущей цепи — оловянным, жестяным, свинцовым и медным, — и он, как все кандидаты, думает, что у каждого школяра на плечах репа вместо головы. — Последний из них умер еще при короле Эйгоне Третьем.

— Последний в Вестеросе, — уточнил Молландер.

— Кинь яблоко, — снова попросил Аллерас. Он смазливый парень, их Сфинкс. Все служанки на него заглядываются. Даже Розы норовит коснуться его руки, когда приносит вино. Пейт в таких случаях стискивал зубы и притворялся, будто ничего не заметил.

— Как в Вестеросе, так и на всем свете, — упорствовал Армин. — Это всем известно.

— Яблоко, — повторил Аллерас. — Если ты, конечно, не собираешься его съесть.

— Сейчас. — Молландер, волоча ногу, подскочил и запустил яблоко в туман, нависший над Медовичкой. Не будь он колченогим, он стал бы рыцарем, как и его отец. Силы ему не занимать — руки у него мощные, плечи широкие. Яблоко улетело далеко... но стрела настигла его, стрела в ярд длиной из золотого дерева, с алым оперением. Пейт не видел, как она попала в яблоко, но услышал над рекой слабое «чмок», а потом всплеск.

— Прямо в середине, — присвистнул Молландер. — Красота.

Что они понимают в красоте? Красота — это Розы. Пейт любил ее ореховые глаза и грудки-бутончики, любил ямочки у нее на щеках. Иногда она прислуживала босая, чтобы побегать по траве, и это он тоже любил. Любил ее запах, чистый и свежий, любил завитки волос у нее за ушами. Любил даже пальцы у нее на ногах. Как-то ночью она дала ему поиграть с ними, и он про каждый сочинил смешную историю — Розы хихикала без передышки.

Может, им лучше не переправляться за Узкое море. На скопленные деньги он купит осла, и они с Розы будут путешествовать по Вестеросу, садясь на него по очереди. Эброс счел, что он не заслуживает серебра, но Пейт умеет вправлять кости и ставить пиявки от лихорадки. Простые люди будут благодарны ему за помощь. Если научиться еще стричь волосы и брить бороды, он даже цирюльником может стать. «Этого мне хватит, — думал он, — лишь бы Розы была со мной. Розы — все, что мне нужно на свете».

Так было не всегда. Раньше Пейт мечтал быть мейстером в замке. Щедрый лорд из уважения к мудрости Пейта пожалует ему белого коня, и Пейт будет гордо разъезжать повсюду, улыбаясь встречным простолюдинам...

Однажды в таверне, после второй кружки ужасно крепкого сидра, Пейт хвастливо заявил, что не всегда будет школяром. «Верно, не всегда, — ответил ему Лео Ленивец. — Скоро тебя прогонят и отправят свиней пасти».

Терраса «Пера и кружки» казалась островком света в море тумана. Ниже по реке светил, как размытая оранжевая луна, маяк на башне Хайтауэров, но на душе у Пейта было темно.

Алхимику пора бы уже прийти. Может, он зло подшутил над Пейтом? Или с ним что-то приключилось? Судьба уже не впервые поворачивается к Пейту спиной. Он почитал себя счастливецем, когда его назначили помогать старому архимейстеру Валгрейву при воронах. Разве он знал, что ему придется носить старику еду, убирать его комнаты и одевать его по утрам? Все говорили, что ни один мейстер не знает о воронах столько, сколько Валгрейв успел забыть, и Пейт думал, что уж чугунное-то звено ему обеспечено, — однако не тут-то было. Валгрейв продолжает называться архимейстером из одной лишь учтивости. Под его облачением теперь частенько скрываются замаранные подштанники, а с полгода назад кандидаты застали его в библиотеке плачущим — он забыл дорогу в свои покои. Вместо него в чугунной маске заседает теперь мейстер Гормен — тот самый, кто однажды обвинил Пейта в краже.

На яблоне у реки запел соловей. Сладко его слышать после воплей и карканья воронов, с которыми Пейт возится день-деньской. Белые вороны знают его по имени и бормочут «Пейт, Пейт, Пейт», как только завидят его, — самому заорать в пору. Эти редкостные белые птицы — гордость архимейстера Валгрейва. Он хочет, чтобы они склевали его, когда он умрет. Пейт начинал подозревать, что и ему уготована такая же участь.

Может, виной всему здешний крепкий сидр. Пейт не хотел пить, но Аллерас сегодня обмывает свое медное звено, да и нечистую совесть как-то угомонить надо. Ему казалось, будто соловей выводит «золото за чугун, золото за чугун». Это самое сказал незнакомец в ту ночь, когда Розы их познакомила. «Кто ты?» — спросил его Пейт, а он ответил: «Алхимик. Превращаю чугун в золото». И по его костяшкам запрыгала, мерцающая при свечах, золотая монета. С одной стороны — трехглавый дракон, с другой —

голова давно умершего короля. «Золото за чугуна, — звучало в ушах у Пейта, — такого тебе никто не предложит. Хочешь ее? Любишь ее?» «Я не вор, — сказал Пейт самозваному алхимику. — Я школяр Цитадели». Тот почтительно склонил голову и сказал: «Если передумаешь, я вернусь сюда через три дня — вместе с драконом».

Три дня миновали, и Пейт, так и не решив ничего окончательно, пришел в «Перо и кружку» — но вместо алхимика нашел здесь Молландера, Армина, Сфинкса и Руна в придачу. Если бы он не подсел к ним, это вызвало бы подозрения.

«Перо и кружка» никогда не бывает закрыта. Шестьсот лет она стоит на своем островке посреди Медовички, и ни разу ее двери не закрывались. Ее высокий сруб слегка накренился в сторону юга — говорят, это потому, что пьяные школяры вечно приваливаются к стенке с другой стороны, — но она, пожалуй, простоит еще шестьсот лет и будет потчевать вином, элем и ужасно крепким сидром лодочников и моряков, кузнецов и музыкантов, священников и принцев, а также, само собой, школяров и кандидатов из Цитадели.

— Старомест — еще не весь мир, — чересчур громко провозгласил Молландер. Он сын рыцаря и к тому же крепко набрался. С тех пор, как его известили о гибели отца на Черноводной, он пьет почти каждую ночь. Даже здесь, за безопасными стенами Староместа, Война Пяти Королей как-то коснулась их всех... хотя архимейстер Бенедикт утверждает, что название это неправильное, поскольку Ренли Баратеона убили еще до того, как Бейлон Грейджой объявил себя королем. — Мой отец всегда говорил, что мир больше, чем замок любого лорда. В Кварте, Асшае и Йи Ти можно найти не только драконов, но и много такого, что нам даже не снилось. Моряки рассказывают...

— Вот именно, — перебил его Армин. — Моряки, мой дорогой Молландер. Сходи в гавань, и они тебе расскажут, как спали с русалками или провели год в брюхе огромной рыбы.

— Почем ты знаешь, что это неправда? — Молландер шарил в траве, отыскивая яблоки. — Вот если б ты сам побывал в брюхе той рыбы, то мог бы утверждать, что их там не было. Над байками одного моряка посмеяться можно, но когда гребцы с четырех разных кораблей на четырех разных языках рассказывают одно и то же...

— Совсем не одно и то же, — упорствовал Армин. — Драконы в Асшае, драконы в Кварте, драконы в Миэрине, дотракий-

ские драконы, драконы, освобождающие рабов... они все рассказывают по-разному.

— Разница только в мелочах. — Молландер, и всегда-то упрямый, выпив, становился совсем неговорчивым. — Они все говорят о драконах и прекрасной молодой королеве.

Единственный дракон, занимающий мысли Пейта, был сделан из желтого золота. Чтостряслось с этим алхимиком? Он сказал, что через три дня будет здесь. «Я не вор», — сказал ему Пейт, но когда дракон заплясал, подмигивая...

— Вон еще одно, прямо у тебя под ногами, — сказал Молландеру Аллерас. — А у меня в колчане еще две стрелы.

— Да иди ты со своими стрелами. Червивое, — проворчал Молландер, подбирая яблоко, но все-таки метнул его вверх. Стрела рассекла яблоко на две ровные половинки. Одна упала на крышу башенки, скатилась с навеса и хлопнулась рядом с Армином.

— Если разрезать червяка надвое, получится два червяка, — поведал им кандидат.

— Кабы с яблоками получалось то же самое, никому бы не пришлось голодать, — со своей мягкой улыбкой ответил Аллерас. Сфинкс всегда улыбается, точно какой-то шутке, известной только ему. Это вместе с острым подбородком, залысынами на лбу и коротко остриженными черными кудряшками придает ему лукавый вид.

Аллерас непременно будет мейстером. Он в Цитадели всего только год, но уже успел выковать три звена своей будущей цепи. У Армина, может, и больше, но он извел год на каждое. Впрочем, и он тоже будет мейстером. Только Рун и Молландер остаются голошеими школярами, но Рун совсем еще юнец, а Молландер предпочитает книге бутылку.

Сам же Пейт...

Он в Цитадели уже пять лет, а шея у него такая же голая, как и в тот день, когда он, тринадцатилетний, пришел сюда с запада. Дважды он думал, что готов сдать экзамен. В первый раз он попытался рассказать архимейстеру Ваэллину об устройстве небес — но лишь узнал на собственном опыте, что Ваэллину недаром прозвали Укусным. Целых два года Пейт набирался мужества для новой попытки. На этот раз он предстал перед добрым архимейстером Эбросом, известным своим тихим голосом и ласковыми руками, но вздохи Эброза оказались ничем не лучше ехидных придилок Ваэллины.

— Последнее, — пообещал Аллерас, — и я скажу вам, что думаю об этих драконах.

— Что ты можешь такого знать, чего я не знаю? — Молландер, углядев яблоко на ветке, подпрыгнул, сорвал его и метнул. Аллерас натянул тетиву до самого уха, грациозно повернулся, следя за полетом мишени, и пустил стрелу, как только яблоко начало падать.

— В последний раз ты всегда промахиваешься, — сказал Рун. Яблоко, невредимое, плюхнулось в реку. — Вот видишь?

— Когда больше не делаешь промахов, перестаешь совершенствоваться. — Аллерас ослабил тетиву и убрал лук в кожаный футляр. Лук у него из златосерда, сказочного дерева, растущего на Летних островах. Пейт однажды попытался согнуть его и не смог. Сфинкс только с виду хлипкий, а руки у него сильные. Аллерас, усевшись верхом на скамью, взял со стола чашу с вином и сказал нараспев, по-дорнийски:

— У дракона три головы.

— Это что, загадка? — спросил Рун. — Сфинксы в сказках всегда говорят загадками.

— Нет, не загадка. — Аллерас пригубил вино. Все прочие дули из кружек знаменитый здешний сидр, и только он один предпочитал сладкие вина тех диковинных стран, где родилась его мать. Такие даже в Староместе стоят недешево.

Сфинксом его прозвал Лео Ленивец. В сфинксе всего намешано: лицо у него человеческое, тело львиное, крылья как у ястреба. Вот и Аллерас такой же. Отец у него дорниец, а мать — чернокожая островитянка. Он и сам темен, как орех, а глаза у него из оникса, как у зеленых мраморных сфинксов на воротах Цитадели.

— Трехглавые драконы бывают только на щитах и знаменах, — заявил Армин-кандидат. — Это геральдический знак, не более. Притом Таргариены все вымерли.

— Не все, — возразил Аллерас. — У Короля-Попрошайки была сестра.

— Я думал, ей голову разбили о стену, — сказал Рун.

— Нет. Это маленькому Эйгону, сыну принца Рейегара, разбили о стену голову бравые ребята Ланнистера. А мы говорим о сестре Рейегара, рожденной на Драконьем Камне перед падением острова. О принцессе Дейенерис.

— Да, точно. Бурерожденная. Вспомнил теперь. — Молландер запрокинул кружку, чтобы допить остатки. — За нее! — про-

возгласил он, брякнув пустой кружкой о стол, и вытер рот. — А где же Розы? За нашу законную королеву не мешало бы выпить еще по одной, что скажешь?

— Тише ты, дурень, — забеспокоился Армин. — Никогда не шути такими вещами. Откуда тебе знать, кто тебя слышит. У Паука везде уши.

— А ты уж и штаны намочил. Я призываю к выпивке, не к восстанию.

За спиной у Пейта кто-то хихикнул, и тихий голос сказал:

— Я всегда знал, что ты изменник, Прыг-Скок. — Лео Ленивец неслышно подкрался к ним через старый дощатый мост. Наряд на нем атласный, в зеленую и золотую полоску, короткий плащ из черного шелка заколот на плече хризолитовой розой. Судя по пятнам у него на груди, этой ночью он пил красное вино, прядь пепельных волос падает на один глаз.

Молландер при виде него ошетинился.

— Убирайся. Никто тебя сюда не звал. — Аллерас примирительно положил руку Молландеру на плечо, Армин нахмурился.

— Милорд Лео? Я думал, тебе запрещено покидать Цитадель еще...

— Еще три дня. — Лео пожал плечами. — Перестин утверждает, что миру сорок тысяч лет, Моллос — что пятьсот. Что такое по сравнению с этим три дня, я вас спрашиваю? — На террасе стояло с дюжину пустых столов, но Лео подсел к ним. — Поставь мне чашу борского золотого, Прыг-Скок, — тогда я, быть может, не скажу отцу про твой гост. Я нынче проигрался в «Клетчатой доске», а последнего оленя истратил на ужин. Молочный поросенок в сливовом соусе, начиненный каштанами и белыми трюфелями. А у вас тут что?

— Вареная баранья нога, — неохотно пробурчал Молландер. — На всех.

— Уверен, это сытное блюдо. Сын лорда должен быть щедрым, Сфинкс. Ты, кажется, получил свою медь? Я бы выпил за это.

— Я угощаю только друзей, — не переставая улыбаться, ответил Аллерас. — И я не сын лорда, я тебе уже говорил. Моя мать была простая торговка.

Карие глаза Лео сверкали от вина и от злости.

— Твоя мать была обезьяна с Летних островов. Дорнийцы любят всякую тварь, лишь бы дырка на нужном месте была. Не обижайся — ты хоть и черен, но все-таки моешься, не то что наш Чушка. — И он махнул рукой в сторону Пейта.

Дать бы ему кружкой по морде, да так, чтоб сразу половину зубов выбить. Чушка Пейт-свинопас — герой бесчисленных озорных историй, добродушный олух. Его глупость на поверку оборачивается хитростью: он побивает жирных лордов, надменных рыцарей, елейных септонов, а в конце концов садится на высокое место лорда и спит с рыцарской дочкой. Но это в сказках — в жизни свинопасам такое не светит. Мать, должно быть, люто его ненавидела, коли наградила его таким имечком.

Аллерас больше не улыбался.

— Извинись сейчас же, — сказал он.

— Не могу — очень уж в глотке сухо.

— Ты позоришь свой дом каждым словом, которое произносишь. И Цитадель позоришь — одним своим пребыванием среди нас.

— Да, да. Поставь же мне вина, чтобы я мог смыть свой позор.

— Я когда-нибудь вырву твой поганый язык, — посулил Молландер. — С корнем.

— Тогда мне нечем будет вам рассказать о драконах. Наш дворняга не соврал: дочь Безумного Короля жива, и у нее вывелись три дракона.

— Три? — ахнул Рун.

— Больше двух, меньше четырех. — Лео потрепал его по плечу. — На твоём месте я погодил бы держать экзамен на золотое звено.

— Оставь его в покое, — сказал Молландер.

— Как скажешь, о благородный Прыг-Скок. На всех кораблях, что прошли больше ста лиг от Кварта, толкуют об этих драконах. Некоторые даже уверяют, что видели их своими глазами, и Маг склонен им верить.

— Мнение Марвина мало что значит, — поджал губы Армин. — Архимейстер Перестин первый скажет тебе об этом.

— Архимейстер Разм тоже так говорит, — вставил Рун.

— Море мокрое, солнце теплое, — зевнул Лео, — а наша верхушка на дух не выносит мастифа.

У него для каждого прозвище припасено. Пейт, однако, не мог отрицать, что Марвин в самом деле больше похож на мастифа, чем на мастера. Смотрит так, точно укусить тебя хочет. Он не такой, как другие мастера. Говорят, что он водит компанию со шляхами и бродячими шарлатанами, что он разговаривает с волосатыми иббенийцами и черными жителями Летних островов на их родном языке и приносит жертвы чужим богам в ма-

леньких портовых молельнях. Его видели в самых грязных притонах вместе с лицедеями, певцами, наемниками и даже с нищими. Поговаривают даже, что он однажды одними кулаками убил человека.

Восемь лет Марвин провел на востоке — наносил на карту неизвестные земли, искал старинные книги, водился с чародеями и заклинателями теней. Когда он вернулся в Старомест, Уксусный Ваэлин прозвал его Магом, и это имя, к большому раздражению Ваэлина, вскоре разнеслось по всему городу. «Оставь молитвы и заклинания жрецам и септонам и направь свой ум на познание истин, которым человек может доверять», — посоветовал как-то Пейту архимейстер Раэм. Но у Раэма кольцо, маска и жезл золотые, и в его мастерской цепи недостает звена из валирийской стали.

Армин бросил на Лео надменный взгляд. Нос у него как раз подходящий для таких взглядов — длинный, тонкий и острый.

— Архимейстер Марвин верит во множество странных вещей, но доказать, что драконы существуют, способен не больше Молландера. Это всего лишь матросские байки.

— Ошибаешься, — сказал Лео. — У Мага в комнатах горит стеклянная свечка.

На террасе стало тихо. Армин со вздохом покачал головой, Молландер засмеялся, Сфинкс впился в Лео своими черными глазищами, Рун вконец растерялся.

Пейт знал про стеклянные свечи, хотя никогда не видел, чтобы они горели. В Цитадели это самый большой секрет. Говорят, их привезли в Старомест из Валирии за тысячу лет до Рокового Дня. Всего их, как Пейт слышал, четыре: одна зеленая, остальные черные, и все они высокие и витые.

— Что это за стеклянная свечка? — спросил Рун.

Армин прочистил горло.

— Перед тем, как принести свои обеты, кандидат должен совершить ночное бдение в склепе. При этом ему не дают ни лампы, ни факела — только обсидиановую свечу. Если он не сумеет ее зажечь, то просидит всю ночь в темноте. Самые глупые и упрямые, особенно те, что занимались так называемыми тайными науками, пробуют это сделать. При этом они часто ранят себе пальцы, ибо витки на этих свечах острые, как бритва. Так, с изрезанными пальцами, в размышлениях о своей неудаче, они и встречают рассвет. Те, кто поумней, просто ложатся спать или проводят ночь в молитве, но каждый год кто-нибудь да пытается.